

М·А·К·С·И·М М·А·Ц·Е·Л·Ь

УЗНИК

· ПАН СТАНИСЛАВ ·

Fiction

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
М36

Оформление обложки:
Студия графического дизайна FOLD & SPINE

Рисунки на форзаце и нахзаце *Александры Мацель*

Мацель М.

М36 Узник : роман / Максим Мацель. — М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 336 с. — (Детектив в лабиринтах истории).

ISBN 978-5-389-32166-3

«Узник» — захватывающий исторический роман о приключениях молодого улана Станислава Булата, о непростом времени, о людях, готовых рисковать жизнью, отстаивая свою честь, а еще о любви — опасной, роковой.

Конец XVIII века, Российская империя. Молодой улан Станислав Булат уже два года живет в Москве и работает на Тайную экспедицию. Его вызывают в Санкт-Петербург для участия в дознании по делу пленника, заточенного в Петропавловской крепости, имя которого держат в секрете.

В столице, столкнувшись с чередой жестоких смертей, Булат понимает, что сам находится на крючке наемного убийцы, который искусно замечает свои следы. Пытаясь вычислить заказчика преступлений, пан Станислав попадает в водоворот дворцовых интриг, где каждый неверный шаг грозит ему тюрьмой, а любовь очаровательной авантюристки — погибелью.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-32166-3

© ООО «ФОЛД ЭНД СПАЙН», обложка, 2026
© Мацель М., 2026
© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Отдохнем, товарищи, в тюрьме¹.

ПРОЛОГ

Петербург, декабрь 1794 года

— Отворяй живей, болван! — Генерал-майор Алексей Иванович Хрущов осадил коня у высоких дубовых ворот Петропавловской крепости. Несмотря на высланных им заранее двух вестовых предупредить коменданта о своем скором прибытии, при въезде все же возникла заминка. Начальник караула никак не ожидал обнаружить столь внушительный эскорт, этапировавший новоприбывшего узника.

— Сей момент, Ваше Высокоблагородие!

¹ Феликс Эдмундович Дзержинский, видный революционер, стоявший у истоков Октябрьской революции 1917 года. Ближайший соратник Ленина и Сталина. Основатель ВЧК (Всероссийской чрезвычайной комиссии). Впоследствии ВЧК реформировалась в ГПУ, ОГПУ и т. д., пока в итоге не стала КГБ и в настоящее время ФСБ. Все эти органы по сути являлись преемниками Тайной экспедиции при Сенате, про которую идет речь в романе. Феликс Дзержинский происходил из небогатых польских шляхтичей, родился недалеко от Минска.

Заскрежетали массивные кованые петли, и генерал с облегчением увидел, как вереница экипажей тронулась с места и стала медленно вползать в бездонное чрево серой каменной цитадели. Долгое путешествие подошло к концу. Екатерина II так жаждала заключить этого пленника в казематы Петропавловской крепости, что отдала распоряжение целой двухтысячной армии сопровождать его на всем пути из Польши, опасаясь побега. Из соображений безопасности обходной маршрут растянувшегося на добрую версту конвоя проходил через Пулавы, Киев, Чернигов, Могилёв, Псков и Новгород. И только в окрестностях Петербурга генерал облегченно вздохнул и решился сократить охранение до сотни отборных рейтаров, оставив в придачу и с десятков старших офицеров из знатных дворян, следовавших за ним во время этого странного похода. Осознавая всю важность порученного императрицей дела, а также тешась надеждой получить высокую монаршую награду, Хрущов лично продолжил командовать арестантским конвоем до самых ворот крепости. Он вознамерился собственноручно поставить подпись в книге учета заключенных, куда и вписал вымышленное имя «дворянин Шиманский»: так было веле­но называть таинственного узника в целях дополнительной предосторожности.

Спустя каких-нибудь пару часов суета, поднятая вояками, улеглась, и крепость вновь вернулась к своему рутинному распорядку.

— Кажись, поехали. — Молодой караульный Прорхор, недавно поступивший на службу, поднял высокий ворот тулупа, втягивая тонкую шею и пытаясь

укрыться от начавшейся метели. — Я столько генералов в одном месте в жизни-то и не видал, господин вахмистр. Выходит, важную персону нам доставили?

— Молчи, дурень! Иль не усек, где служишь? — Вахмистр беззлобно оборвал лепет новобранца. — И не такие тут побывали. С мое послужишь, всяко нагладишься. — Он отвернул лицо от резкого порыва ветра. — Ишь, как вялица¹ занялась.

— А энтому-то сам генерал на прощанье честь отдал! «Начальником» его величал. Что же за чин у нашего арестанта, раз у самого генерала в начальниках ходит? И не привстал даже. Только головой мотнул, что кобыла.

— Не привстал, потому как ранен он. Те двое казачков, что наперед прискакали, сказывали, будто они его дротиками пониже спины покололи. Стыдно сказать — седалище проткнули. А после еще какой-то драгун со злобы поверх добавил: саблей его по голове пелехнул. Видал, как рожа у него перекошена с одного боку? Так того драгуна самого под арест взяли, что бесчестно поступил.

— Как же бесчестно? — вылупил глаза Прохор. — Или энтого начальника не в бою взяли?

— Ну и дремучий ты человек, Прохор! Кто ж пленного саблей сечет? Такое только честь солдатскую марает. Да и какая к черту разница: в бою, не в бою? Господа генералы друг дружке кровь пускать не шибко любят. Только нашего брата гонят до живота биться. Сколько раз бывало, что мы с нехристями до самого что ни на есть остервенения рубимся, кишки

¹ Метель, вьюга (*устар.*).

по земле мотаем, чуть не зубами глотки рвем. А случилось их басурманского военачальника сцапать, как думаешь, Прошка, что с ним случилось?

— На кол? Аль солдатикам на потеху ирода поганого? Палками забить!

— Эх, темнота ты сермяжная, — авторитетно подкрутив жесткие, прокуренные усы, усмехнулся вахмистр. — Наш генерал после в своем шатре с ним кофий, что старые приятели, сёрбали. Чуть не в засос лобызались. По-хранцузски парлякали и спины манерно гнули. Хотя с утра небось матюкали друг дружку и печенку один одному сожрать грозились. Было дело, мы цельный штаб у неприятеля заневолрили — сплошь бароны да графья. Так у них к ночи после батальи с нашими штаб-офицерами чуть до не плясок дело дошло. Что для нашего брата — война, для них — так, бирюльки.

— А не брешешь, дядя Захар? — искренне изумился простодушный Прохор. — А вы что же?

— А мы что? Кровушкой умылись, и всего делов. Потому легко понять того драгуна, что осерчал на этого начальника и уж после, как тот в плен сдался, палашом его по черепушке приложил. Озлился паря. Накипело.

ГЛАВА I

Об этом человеке известно только, что он не сидел в тюрьме, но почему не сидел, неизвестно¹.

1

Москва, сентябрь 1795 года

«Удар! Шаг назад! Удар! Защита! Опять за свое!» — недовольно подумал Стас.

— Коли́! Не руби́! — выкрикнул он уже вслух, легко уклонившись от просвистевшего рядом с головой клинка, и, мгновенно сблизившись с соперником, упер острие своей сабли тому в грудь. Не дожидаясь, пока он опустит оружие, Стас отступил на несколько шагов назад и снова встал в стойку, приглашая напарника продолжить поединок.

— Ловко! Опять твоя взяла. Дал бы ты мне саблю, Станисла́в! — Молодой человек вытер со лба пот. — Не могу я этим проклятым палашом² фехтовать! Никак за тобой не поспеваю, хоть ты и хромаешь на одну ногу.

¹ Марк Твен, американский писатель.

² Палаш, в отличие от сабли, имеет прямой клинок.

— Павел Гаврилович! Ваш батюшка меня взял, чтобы обучить вас, как в бою живым остаться, а не железками изящно бряцать. Вам в кавалерии служить, а от сабли в конной атаке проку мало. От палаша куда больше пользы, после пика и пистоля конечно. Который раз прошу вас: оставьте вы эту рубку мясникам в Охотном ряду. В атаке колоть следует! А лучше просто руку вперед выставить. Неприятель и так на нее напорется.

— А сам-то почему саблей фехтуешь? — Молодой князь Павел Гагарин, единственный сын московского сенатора и тайного советника Гаврилы Петровича Гагарина, убрал в ножны длинный кавалерийский палаш и с удовольствием потянул занемевшие руки. Он совсем недавно возвратился домой из Польши, где служил флигель-адъютантом при штабе русских войск, участвуя в подавлении восстания поляков под предводительством Тадеуша Костюшко. Командиры чересчур рьяно опекали ретивого семнадцатилетнего князя, не позволяя тому рисковать жизнью в настоящих сражениях. В Москве Павел Гагарин принялся с завидным усердием готовиться к новому назначению, решительно вознамерившись на этот раз проявить себя в бою в полной мере. По-доброму обеспокоенный подобным рвением сына, старый князь нанял тому наставника по фехтованию. Вот уже несколько месяцев чуть не каждое утро Павел Гагарин упражнялся в искусстве владения холодным оружием с молодым, но уже умудренным опытом отставником Станиславом Волковым, покинувшим службу по причине ранения в ногу.

— Я и саблей могу, и палашом, — спокойно ответил Стас, опуская тяжелую венгерскую саблю — по-

дарок брата, — которую он привез с собой из Минска. — В последнее время мне все больше в разъездах служить выпадало. В разведке иная задача: незамеченным остаться. Если до стычки дошло, считай, провалил миссию. Чаще приходилось избегать боя и уходить от противника. Ну а как неприятель на хвосте, с саблей всяко сподручней.

— А ранили тебя как? Тоже от боя уходил? Я спину врагу показывать не намерен.

— По глупости, Ваша Светлость. В одиночку на большой отряд турок кинулся. Вы про такое и не помышляйте. Добром не кончится. Кроме сабли надо еще и головой уметь работать. — Стас хотел было добавить, что та его необдуманная атака в итоге закончилась пленом и последовавшими затем тремя годами рабства на галерах, но вовремя спохватился. Этого князю Гагарину знать не нужно.

— А в шок¹ с неприятелем приходилось сшибаться?

— Приходилось. Пару раз.

— Всего-то?!

— Вы что же, Павел Гаврилович, думаете, что на войне только лоб в лоб сходятся? Куда чаще одна из сторон вбок отворачивает, не дойдя до сшибки. А то и обе.

— И ты отворачивал?

— И я отворачивал, — усмехнулся Стас. — Как командир прикажет. Когда в карьер² на неприятеля летишь, задача в бою — смять его, опрокинуть, а не

¹ Шок — встречная атака двух кавалерий на всем скаку.

² Карьер — полевой галоп, самый быстрый аллюр у лошади.

порубить в капусту. А на скаку при должной сноровке и без сабли врага задавить можно — и веника вполне хватит. Ну а как силы равны и доведется в сече завязнуть, больше от коня, чем от умения фехтовать жизнь зависит. Завидел просвет впереди — руку прямо и ломись туда что есть мочи. И не думай оставаться. Добрый конь вывезет. А пока саблей будешь замахиваться, тебя трижды успеют палашом проткнуть.

Двери фехтовального зала отворились, и в проеме появилась молодая пышногрудая девушка с греческим профилем слегка полноватого лица.

— Доброе утро, княжна! — Стас поклонился в приветствии.

— *Bonjour, Mari!*¹ — поздоровался с сестрой Павел.

— *Bonjour!* — Княжна лишь надменно кивнула брату, не удостоив Стаса вниманием, и тут же скрылась.

— Не жалует меня ваша сестрица, Павел Гаврилович.

Молодой князь рассмеялся, вспоминая, как его наставник на днях попытался сделать комплимент Марии. Вышло неловко. Слова Стаса про новый наряд девушки оказались до того неудачными, что Павел не удержался и расхохотался, на что сестра гневно вспыхнула, густо покраснев. Не сумев совладать с собой, Мария неожиданно выкрикнула «хам!» и тотчас удалилась, так и не удосужившись объяснить, кому из двоих она адресовала гневный возглас.

— Ты, Станислав, про войну все знаешь. А вот в делах амурных, сразу видно, неопытен. Как же! Не жа-

¹ Доброе утро, Мария! (*фр.*)

лует! Да она с первого дня, как ты у нас в доме появился, раньше солнца поднимается. Это Мария-то! Самая соня из всех сестриц! Скорее уж ты ее не жалуешь. Она тебе потому проходу и не дает, что ты на нее никакого внимания не обращаешь. Не лежит твое сердце к ней. — Он глянул на смущенного Стаса. — Оно и хорошо. Не забывай, что сестрица — княжна! *En garde*¹, Станислав! К бою!

2

В конторе Стаса ожидал сюрприз. Он еще в коридоре услышал командный голос Михаила Ивановича Репнина, распекавшего подвернувшегося под горячую руку подчиненного.

— А, Станіслав! Заходи, шляхтич! Ты-то мне и нужен.

Оба тепло поздоровались. Стас не видел Михаила Ивановича больше полугода. За это время в карьере Репнина произошли важные изменения. Еще в начале прошлого года, до того, как обер-секретарь Тайной экспедиции² Шешковский отдал богу душу прямо в своем рабочем кабинете в Государевом бастионе Петропавловской крепости, Михаила Ивановича повысили до статского советника. Основанием послужило успешно проведенное им в Минске дознание по нападению на полковую кассу Курского полка. А спустя еще семь месяцев уже новый глава Тайной

¹ Защищайся (фр.).

² Тайная экспедиция — орган политического сыска в России, созданный Екатериной II.

экспедиции Александр Семёнович Макаров, с которым Репнин водил давнюю дружбу, срочно затребовал советника к себе в Петербург, откуда тот и не вернулся. В скором времени за ним последовала и семья.

— Какими судьбами, Михайло Иванович? Надолго в Москву?

— Что, закис без меня? — Советник посмотрел на Стаса.

Стас пожал плечами. Он и на самом деле заскучал с отъездом Репнина. Зная, с какой легкостью Стас встречается в сомнительные истории, Михаил Иванович перед отъездом поручил тому устроиться в дом к Гагариным, отложив в сторону все прочие занятия. «Пока с тебя и этого довольно, — сказал он на прощание. — Старый князь будет знать, что ты к нему не так просто приставлен, а от Тайной экспедиции. Оговорили его. Граф Ростопчин, этот шут, сумасшедший Федька, через престолонаследника императрице наклеузничал, что князь Гаврила Гагарин, мол, развратный кутила, опутанный долгами и потерявший всякую репутацию. Государыня к словам сына своего мало веры имеет. Однако ж должностью Гагарин немало в Москве наделен. Потому под нашим надзором немного и побудет. Мы с Гаврилой Петровичем давние приятели. Еще с той поры, как он служил обер-прокурором шестого департамента Сената. И ему спокойней будет. С него еще станется. Будет уверен, что я на него дурного не напишу, а иной раз дважды подумает, когда подурить решит».

Вот уже два с лишним года, как Стас жил в Москве. По приезде из Минска Репнин сразу же устроил его в Тайную экспедицию, определив в мелкий ранг

титулярного советника. Несмотря на ключевую роль, которую сыграл Стас в минском расследовании, он все еще состоял на временной службе. Причиной тому послужило его шляхетское¹ происхождение, которое на фоне польского восстания Костюшко поставило Стаса в разряд неблагонадежных. «Доверие, шляхтич, заслужить надо. Я-то тебя как облупленного знаю, а вот Макаров и обер-прокурор Самойлов к тебе покамест приглядеться желают. Все ж таки поляк ты, хоть и из литвинов². Да и опыта в дознании у тебя маловато. Подумаешь, один раз убийцу вычислил. Повезти могло. Саблей ты горазд махать, только этого недостаточно. Начнешь с азов, с малого. Пару годиков пооботрешься, пообтешешься. К жизни московской привыкнешь. Изучишь досконально, как дознание вести следует. А как справишься, настоящее дело подыщем!»

После долгих раздумий Репнин решил, что для всех остальных Стас будет провинциальным русским дворянином Станиславом Волковым. Так будет легче и жизнь на первых порах обустроить, и стать незаметным, затеряться в, казалось бы, огромном городе, где, однако, все про всех всё знают. Советник самолично состряпал ему правдоподобную легенду, чтобы «не дай бог, не оплошать при случае».

¹ *Шляхта* — польское дворянство.

² *Литвины* — часть населения Речи Посполитой, жители территории современной Беларуси. Речь Посполитая была образована слиянием двух независимых государств: Королевства Польского и Великого Княжества Литовского. Литвой раньше называлась именно Республика Беларусь, а современное литовское государство именовалось Жемойтией.

Как оказалось, польза от такого перевоплощения получилась немалая. Стас настолько вжился в новый образ бездельника-дворянина, вышедшего в отставку с небольшой пенсией по причине ранения в ногу, что с легкостью добывал весьма нужные сведения для Тайной экспедиции. Помощь его в раскрытии ряда важных государевых и весьма тайных дел сам Репнин считал неоценимой.

— Закис, Михайло Иванович, — согласился Стас. — А ты чего такой злой с самого утра?

— Послушай, Станислав. — Репнин кинул на него недовольный взгляд. — Я вот поутру письмо от жены получил. За дочь она переживает. Пишет, что в Смольном институте на нашу Лизку наставница жалуется. На прошлой неделе она весьма вольготно изволила о Сенате высказаться. Ляпнула, что, по ее, дурехи, разумению, головы даже самых великих людей тупеют, когда они собираются вместе, и что там, где больше всего мудрецов, меньше всего мудрости. Не догадываешься, сукин ты сын, от кого она этой ереси набралась?

— От Софии, что ли? — Стас рассмеялся. Он легко мог представить себе, как быстро его «названная сестра» могла любого преподавателя довести до истерики бунтарским духом.

— От кого же еще? Смотри, Станислав! Если ты со своей Сонькой сам справиться не в силах, то я ее быстро урезоню! Ты что же думаешь, легко было ее в Смольный без приличной родословной устроить? Да еще вместе с Лизой! Надо же, сам на свою голову беду накликал. Вот и помогай после такого вам, полякам. Хлебом вас не корми — дай побузотерить.

— Так это она не своим умом дошла, а всего-то Монтескьё¹ пересказала. А он у самой императрицы в большом почете. Да и наследник, говорят, им увлекается.

— Ты дурачком-то не прикидывайся, шляхтич! Мне до всей твоей философии дела нет никакого. Баба же она! На кой черт ей все это? Ей замуж надо, хорошую партию найти. А девка подобными разговорами всех женихов отвадит. Здесь тебе не Европа! Неужто не понял за все время?

— Как же я на Софию повлиять могу? Я в Москве, а она в Петербурге. Да и выпускают ее нечасто. Не институт, а казарма.

— Об том и говорим. Скоро повидашь свою «сестрицу». Забираю тебя в Петербург. К большому делу пристрою. Пришло время до поры забыть про дурачка Волкова и воскреснуть знатному польскому шляхтичу Станіславу Булату. Чего молчишь?

— Слушаю, Михайло Иванович!

— Это хорошо, братец, что слушаешь. Все, что далее скажу, для чужих ушей не предназначено. Как и всегда, впрочем. Но тут случай штучный. Зимой прошлого года особого узника в Петропавловскую крепость доставили. Держат его тайно, под другим именем. Беседовать он ни с кем не желает, только письмами с генерал-прокурором Самойловым обменивается. Правда, от такой «любовной» переписки толку мало. Дознание с июля не ведется. Исчерпал наш прокурор свой словесный арсенал, а к императрице идти с этими бумажками, так она быстро кого другого на его место поставит. Принуждать силой

¹ *Монтескьё* — французский философ.

этого чертова поляка нельзя. Непростая фигура. Вот и напомнил я обер-секретарю, что у нас в экспедиции свой собственный поляк служит. По твою душу он меня и послал. Понимаешь?

— Понимаю, пан советник. О шляхтиче Шиманском речь?

— Я погляжу, ты не зря два года в Москве штаны протирал. Что еще о нем знаешь?

— Особо ничего. Что и все.

— Это что же?

— Михайло Иванович, пол-Москвы и вся столица знают, что в крепости еще с той зимы сам польский генералиссимус Тадеуш Костюшко заключен. «Наш начальник», как его сами поляки называют. Вроде как ранен он сильно. Пожалуй, все.

— Не знают! — разозлился Репнин. — А догадываются! А это две большие разницы. Про самого Костюшку что слышал?

— Говорят, он талантливый военачальник. Армейский инженер. Воевал в чине бригад-генерала в Североамериканских колониях в их войне за независимость от британцев. Хорошо воевал. После в Европу вернулся. Поднял поляков на восстание в Кракове. Потом уже и остальная Польша к нему примкнула. Пользуется настоящей любовью в народе. Немудрено, что такой человек и возглавил борьбу Речи Посполитой за свободу...

— Ты сдурел, шляхтич? Ты что несешь? Какая борьба за свободу? Это бунт! Мятеж против государства Российского! Еще раз про такое скажешь, мигом в подземелье окажешься. И меня за тобой утянут. Вырастил себе помощника.

— Сам же, Михайло Иванович, учил меня всякую вещь своим именем называть. Как иначе противостоять сопернику, если себя в мотивах его действий обманывать?

— Учил. Помню. Так два слова сказал бы, и довольно. А ты разошелся, чуть не оду этому поляку спел. Только я тебя, шляхтич, и другому учил: в корень проблем зреть. Видеть за внешним глубинные причины, истинные. А ты затянул песенку про свободу, как будто тебе пятнадцать годков и папенька на бал не пускает. Что ж тогда про французов и словом не обмолвился? Эти лягушатники поганые так просто, что ли, в сторонке топчутся? По-твоему выходит, что Костюшко сам по себе без их поддержки мятеж поднял? Это тебе, Станислав, не разбойника на пику насадить. Тут партия посложнее будет. Вся политика в Европе только с одной целью делается: Россию ослабить. Этому я разве не учил тебя? В общем, собирайся в дорогу. Я завтра укачу. А за тобой из Петербурга экипаж выехал. Со дня на день прибудет. Часть архива в столицу переправим. Сопровождать тебя будет наш экспедитор оттуда. Может, помнишь, тот молокосос, что у генерала Мелиссино про минского разбойника сведения выудил. Малый толковый, правда, слегка туповат и чересчур прямолинеен. Привыкай к нему. Он к тебе в Петербурге приставлен будет, чтобы ты один не набедокурил: от тебя еще польским духом за версту разит.

— А что с Костюшкой станется?

— Повесим мерзавца. Чтобы остальным бунтовать неповадно было.

— За что же его вешать? Он ведь на польских землях восстание поднял. К нему законы российские никак не применить.

— Опять ты за свое, сукин сын! Хотя... Ты мне с таким настроем и нужен. Я так и думал, что ты своего поляка выгораживать начнешь. В том ты большой мастер, как я помню. Иначе этот Костюшко с тобой говорить не станет. А вот государыня его разговорить перед казнью желает. Устала она, Станислав, от вашего шляхетского балагана. Пора уж России в польском вопросе жирную точку поставить.

3

«Ну, где ж его носит-то?» — недовольно подумал Стас, внимательно и по возможности незаметно разглядывая странную парочку проезжих, устроившихся в дальнем углу постоянного двора на Большой Московской дороге, где они условились встретиться с Иваном Щегловым — так звали нового экспедитора. Тот оказался довольно исполнительным сотрудником, весьма простодушным и недалеким, как ранее и отрекомендовал его Репнин. Правда, Щеглов имел неприятное обыкновение опаздывать, причем самое малое на полчаса. Запланировав узнать будущего напарника поближе во время предстоящего им долгого пути в Петербург, Стас оставил того в московской конторе самостоятельно заниматься сортировкой архива, часть которого предназначалась для перевозки в Петропавловскую крепость. Сам же он решил завершить все свои дела в Белокаменной. Имуществом он сильно не оброс, снимая меблированные комнаты

в чистом, недорогом, но довольно уютном доходном доме неподалеку от места, где проживал Репнин, но все же от лишнего хлама избавиться следовало.

Стас с улыбкой вспомнил, как на первых порах советник приютил их с Софией в своем московском доме. София сразу же полюбилась супруге Михаила Ивановича и его двум дочерям, одна из которых оказалась с ней одногодкой. Шляхтич был признателен Репнину, что тот без проволочек смог устроить Софию в первый в России открытый при покровительстве императрицы Смольный институт в Петербурге для девиц из знатных дворянских семей. Хотя расставание с Сонечкой, к которой душой прикипело не только все семейство Репниных, включая советника, но и сам Стас, далось тяжело.

Первое время, оставшись в одиночестве и не успев еще окунуться в заботы, которые принесли с собой его новые обязанности в Тайной экспедиции, Стас с удовольствием бродил по Москве, изучая город и его жителей. Он с ходу влился в нехитрый городской быт. Ему нравилась утренняя суета торговых рядов. Стас радовался как музыке голосов бойких московских торговков, так и чинному приветствию немца Стефана Мюллера — хозяина неприметной пекарни, затерявшейся в конце крохотной московской улочки, где он покупал ароматную свежую выпечку. «А-а-а! Херр Фолкофф! Гутен таг! — снимал шляпу немец тонкой рукой, на которой отсутствовала фаланга мизинца. — Тесто телай, палес капут!» — вроде как извинительно сообщал он шляхтичу.

Стараясь полностью соответствовать образу новоявленного дворянина Волкова, Стас обзавелся

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

МАЦЕЛЬ Максим

Ұзник

Ответственный редактор *М. Смылова*
Литературный редактор *Д. Судавная*
Художественный редактор *А. Дёмочкина*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *Н. Иванова, О. Левина*
Верстка *Ю. Фролкина*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.03.2026.

Формат 84×108^{1/32}, Гарнитура «Petersburg».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,64.

Тираж 2500 экз. Т-DLN-41458-01-R. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» –	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ –
обладатель товарного знака АЗБУКА	АЗБУКА тауар белгісінің иесі
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

